

Окончание. Начало — на стр. 1

Станислав КУНЯЕВ

Дорогой Саша!

На одной из своих книг, названной "Ангел пролетел", ты сделал мне загадочную, но прекрасную надпись: "Милый Стасик, сколько несказанных слов, непролитых слёз, невознёсённых молитв. Твой А. Проханов".

Как это ни странно, но между нами за полвека нашей дружбы почти не было бытовых отношений. А все памятные мне были судьбоносными. Помнишь знаменитую дискуссию "Классика и мы", которая в 1977 году расколола поколение шестидесятников на западников и почвенников, на традиционалистов и авангардистов, на космополитов и патриотов?

Мы при поддержке переполненного молодёжь зала выиграли эту многочасовую дискуссию, и когда после полуночи истерзанная переживаними людская масса, как венозная кровь, вытекла из обескислороженного душевного зала, я, шатаясь от усталости, зашёл в кафеэловский ресторан, где за столиком сидел ты с Татьяной Глушковой.

"Волк, — бросилась ко мне навстречу Татьяна. — Вы живы? Я-то думала, что вы не устоите на трибуне, что вас сдует — такая волна ненависти неслась мимо меня прямо на вас".

Мы, все обесиленные, что-то выпилили, о чём-то помолчали, и ты на прощанье медленно произнёс: "Прямое восстание бессмысленно, надо идти другим путём".

А вторая судьбоносная встреча состоялась в сумрачном ноябре 1993 года, когда я, раздавленный расчленением Родины-страны, уговорил тебя хоть на несколько дней уехать в Заволжье, в глухие русско-мордовские леса, где в начале века работали врачами в Карамзинской больнице мой дед с бабкой, и где на берегу холодного Сатиса протекала в молитвенном подвиге жизнь преподобного Серафима Саровского... На другой день врач местной больницы повёз нас в Дальнюю Пустыньку, где проходили последние годы молитвенного затворничества великого русского святого. На небольшой поляне, где некогда стояла его землянка, мы увидели два плоских камня с углублениями, оставшимися от колен Святого Серафима. Сотни ночей и дней простоял он в молитвах на этих отполированных его коленями глыбах песчаника. Ты вытащил две свечи и закрепил их на камне, я достал коробок спичек — свечи вспыхнули, но под лёгким ветром, несущим над землёй снежинки, язычки свечных огней затрепетали и вдруг погасли. Мы огорчённо переглянулись, но ветер тут же стих, и язычки пламени сами по себе вновь возникли над фитильками восковых свечек...

После этого, вечером, находясь в гостях у местного земского врача, мы долго размышляли о том, какими путями следует идти к спасению России, и в твоей, и в моей памяти то и дело вспыхивали, гасли и вновь воспламенялись две свечечки, словно отныне они должны были освещать пути-дороги нашей судьбы. Отсюда, на-верное, Саша, постепенно и возникали в твоих речах и книгах образы и народа-богоносца, и старца Филофея с его пророчествами о Третьем Риме, и твоя подвижническая страсть, воплотившаяся в великое дело — в Священный Холм на псковской земле.

А третья наша судьбоносная встреча, исполненная мудрых разговоров, произошла в Италии, у подножья спящего Везувия, а продолжилась возле стен Колизея, где мы спорили, как русские мальчишки из "Братьев Карамазовых", об огненных пророчествах Константина Леонтьева, об изощрённых предсказаниях Василия Розанова, об итальянских стихах Александра Блока, заклеймившего в далёком 1907-м году обрису общества потребления, тогда только что нарождавшегося.

А сколько между этими судьбоносными встречами было у нас побед и поражений, иллюзий и разочарований, отчаяния и всплеск веры! Твоё мужество, с каким ты написал в августе 1991 года "Слово к народу", останется на скрижалях отечественной истории. Твои мысли о русской государственности, о Пятой империи вдыхают в наши усталые души силы для новой жизни. Два наших детища — газета "Завтра" и журнал "Наш современник" — окармлиют всех опустивших руки и вдохновляют всех, кто уже готов разуввериться в будущее Родины.

В моих воспоминаниях мы ведём по Тверской толпу патриотов прямо на омововские дубинки и на циты до бровей. В моих воспоминаниях все самые достойные имена второй половины прошлого и начала нового века — рядом с нами. Это наши друзья, наша небесная и земная гвардия, в рядах которой отслужили свою службу Василий Белов и Валентин Распутин, Юрий Кузнецов и Владимир Кожин, Илья Глазунов и Юрий Селзёньев... А сколько у это страшное время отшатнулось от нас людей уставших, тщеславных, соблазненных дешёвой славой или блеском тридцати сребренников. Ведь подумать только, что в 1991 году в стихах о декабристах я писал:

*У них был Пушкин Александр —
Любимец двух враждебных станое,
У нас Невзоров Александр,
А также Александр Проханов.*

А теперь ты пишешь невзорофф... Ты помнишь, что писал о нас с тобой в том же проклятом августе 1991 года знаменитый поэт, вскоре сбежавший в американскую Оклахому: "Как не совестно глядеть в глаза людям Проханову и Куняеву, которые приветствовали государственный переворот? Как же тогда квалифицировать телевизионные и печатные приветствия путчистам двух идеологических боевиков СП РСФСР Проханова и Куняева?". А ты помнишь, как я разорвал в том же августе распоряжение префекта Музыкантского, приказавшего опечатать Дом писателей России? В ответ на это ты организовал на несколько следующих тревожных дней его оборону. Честь русской литературы в эти дни была спасена.

Двадцать лет тому назад к твоему шестидесятилетию я написал стихотворение, которое помню наизусть до сих пор:

*Я люблю тебя, Александр,
Без раздумья за все таланты.
Ты проходишь, как лейтенант,
Сквозь толпу, где шипят маркитанты.
За спиной Афган и Чечня,
Я люблю такую породу,
Что ни скажешь — всё у тебя
Получается "Слово к народу".
Совлей геништаба, солдат,
Мы изгой родной державы,
Наша доля — русский штрафбат
Да обломки имперской славы.
Правит Русью хмельной упырь,
Вдрызг растерзано наше знамя,
Знаю: хочешь я в монастырь,
Но лишь после победы, Саня.*

Друг мой, восхищаясь твоей жизненной волей. Не успеваю успедить — где ты? То на судочных верфях, то в лабораториях, работающих на "оборонку", то в сирийской пустыне, то в псковских белокаменных храмах, то на дискуссиях знаменитого Изборского клуба, то в многострадальном Ливане — стоишь коленопреклонный и целуешь священное знамя Хезболлы.

А сколько у нас, несмотря на наши почтенные годы, всяческих дел впереди! Да, Крым наш, да, Крымский мост стальной полосой стянул два берега России, да, Донбасс подготовлен к обороне. Но пятая колонна, разгромленная в своё время на Болотной площади, не дремлет. Прошу тебя, выходи почаще на телевизионные поединки и побеждай их, как ты это блистательно делал все последние годы. Смотри в упор на цифру 80 и не опускай глаз!

Владимир БОРТКО

Я прожил на этом свете достаточно и до встречи с вами, Александр Андреевич, думаю, что много знаю и правильно смотрю на вещи. Могу сказать, что это было неправильно, потому что вы поставили на правильный путь меня и не только меня, но и очень многих людей. Я хочу, чтобы вы и дальше делали это всё с большим успехом и как можно дольше.

История России последние, как минимум, полвека связана с вашей биографией. Ваша биография и биография России — это практически одно и то же. Вы всегда были в горячих точках. Потому что вами двигала, во-первых — совесть, во-вторых — энергия, желание сделать всем лучше. Я сам видел, как люди при встрече с вами, когда вы разговариваете с ними, захватывают от того, что слышат вас и слышат от вас. Да и я тоже, грешным делом. Обнимаю. Целую, ваш Владимир Бортко.

Захар ПРИЛЕПИН

Александр Андреевич Проханов — человек, который в моей жизни сыграл, говоря без ложного пафоса и совершенно взвешенно, одну из важнейших ролей, наряду с моими родителями, с моими воевавшими дедами и с несколькими современниками, в числе которых, собственно, Александр Андреевич Проханов и Эдуард Вениаминович Лимонов. Два этих человека — Проханов и Лимонов — были определяющими для меня, и не только для меня, но и для серьёзной части нашего поколения.

Очарование этого человека и удивительный его дар, и удивительный ум, и мужество, и сама его громокипящая биография — всё это было важно для меня. Но не только это. Потому что Проханов для меня учитель и в смысле жизнестроительства, хотя это строительство предполагает некую заданность твоих действий. В случае Проханова никакой заданности и продуманности нет. Это абсолютно органичное вырастание и взрастание на странном сочетании почвы как таковой, природной, национальной, техносферы, русской литературы, древнерусского искусства — это всё у Проханова удивительным образом сочетается.

Для Проханова и Лимонова характерно ещё одно: может, это странно и парадоксально звучит, но таким человеком, как Сергей Александрович Есенин, их роднит то, что у них абсолютно модернистская школа всех новейших знаний, тенденций мировой литературы сочетается с ясным, точным чувством русского, растворённостью в национальном, умением вовлечь крестьянскую силу и силу прародичей и облечь в совершенно удивительные с точки зрения стилистики формы.

Как правило, то для русских почвенников не характерно. И тут неожиданно парадоксально рождаются такие непредсказуемые дети. В моём понимании Сергей Есенин, Александр Проханов и Эдуард Лимонов — это в самом благом, в самом удивительном смысле юродивые русского мира, которые при этом несут точное отражение всей сущности русского мира, русской культуры и русской победы.

Я — человек, который читал все романы Александра Андреевича Проханова, который может любой квест и тест по его творчеству пройти, который с ревностью и болезненно, с чуткостью сыновей и братской литературной общности ко всему, что он делает. Могу сказать, что, засыпая или просыпаясь, я частенько мысленно перебираю любимые романы и рассказы Александра Андреевича Проханова. Собираю какие-то свои особенные тома, расставляю их на своих полках. Это одно из занятий, которое меня очень умиротворяет. И если я буду когда-нибудь издателем и буду как издатель обладать большими возможностями, конечно, издам разнообразные собрания сочинений и избранное из любимых текстов Александра Андреевича Проханова. И сделаю всё, чтобы эти тексты были максимально доступны для людей нынешнего и будущих поколений. Потому что это чудо — чудо осязаемое, снизшедшее к нам.

Александр Андреевич, поклон вам, радости. И любовь моя к вам.

Сергей ШАРГУНОВ

С Александром Андреевичем Прохановым связана вся моя жизнь. Когда я был совсем юн, я уже приходил в его редакцию на Комсомольском проспекте. В тринадцать лет я принёс своё первое, опубликованное затем в прохановской газете стихотворение с подзаголовком "Любовавшимся на расстрел Дома Советов в октябре 93-го года".

Вспоминая свои первые впечатления от книг Проханова. У меня на даче была старая "Роман-газета" с красной обложкой и чёрно-белой фотографией — это роман "Дерево в центре Кабула". Позже, будучи подростком, я ходил с этой роман-газетовой тетрадкой, словно с хоруугой, и сам образ Проханова стал для меня вдохновляющим.

Проханов — это религиозная причастность к судьбе России. Вера в Россию, вера страстная, вера, позволяющая примирять самые разнообразные периоды исторической судьбы страны. Проханов — это ходячий парадокс, потому что это человек, который идёт путём синтеза. И эти взрывоопасные коктейли, которые он сладострастно потягивает через трубочку, и составляют жизнь страны — это живительные, молодильные коктейли.

С одной стороны, Проханов выступает за государственную твёрдость, за умиротворение, за благосостояние. Но совершенно очевидно, что он черпает энергию в бунте, порой в инфернально-гротескных сюжетах и образах, что он воспринимает жизнь как экстравагантное приключение. Он всегда ждёт чуда, и в этом детскость Проханова, но в этом и глубина его понимания. Отсюда и терминология Русского чуда, которую он часто предлагает, потому что без этого сакрального начала, без сильного иррационального чутва, без понимания того, что всё не укладывается в схемы и таблицы, невозможно постичь историю нашей страны. Зачастую, когда кажется, что страна должна обвалиться в бездну, она вдруг воскресает, и мы видим воспрянувшее государство.

Но сводить Проханова исключительно к государственнику, стороннику предельно тихой стабильности — невозможно, потому что Проханов клопочет. Один из Прохановых — это 1991 — 1993-й годы. Это годы жизни одного из Прохановых. Это годы жизни его газеты "День", где собирались все — и православные, и исламисты, и казаки, и монархисты, националисты, и коммунисты, и куда приходили писатели-дис-

сиденты и эмигранты. Это был интереснейший, взрывной коктейль.

Проханов — интегратор. При всей своей решительной и размашистой, безапелляционной конфликтности, при воем стремлении жёстко и воинственно обозначить свои позиции, отделить чёрное от белого, он — интегратор. Он интегратор в масштабе российской истории и в масштабе современной политической действительности. Он старался соединить противоречивые силы сначала в патристическую оппозицию, сегодня он старается так или иначе найти общий знаменатель для разных государственных сил, для тех, кому дорога Россия, и отсюда идея примирения красных и белых.

И внутри себя он тоже интегратор, потому что он модернист, он авангардист, он был в значительной степени чужд консервативной среде. Он не был писателем-деревенщиком, он вырос на эстетизме Набокова, но одновременно оказался государственным и трубадуром красной советской империи. И это противоречие оказалось живительно, оно дало развитие и сделало Проханова фигурой собирающей, потому что человек скучно-охранительского толка, брызжащий о том, как всё было некогда раньше, человек благостно-патриархального склада не мог бы породить живые миры. Это и стилистика Проханова, потому что есть стремление к нежной лазури, к умиротворению, и одновременно есть увлекующие его пожары, и одно немислимо без другого. И точно так же Проханов, с его оптимистическими и мировоззренческими полутонами, с его готовностью увидеть живого человека в каждом, с его бесконечно усложнённым, уточнённым восприятием мира, неотделим от другого Проханова — грубого, атакующего, наступающего, толпущего своих оппонентов.

Проханова можно изучать до бесконечности. Чего стоит сама его биография. Множество интересных эпизодов — от школьника, который позирует для книги "Как закалялась сталь". И в 1953-м году вышла эта книга, где юный Проханов изображал юного Островского. Судьба его рода, разбросанная не только по России, его предки — крестьяне, молоко, протестантизм, их отношения с Львом Толстым, их участие в Гражданской войне. То, что Проханов понимает драму конфликта, который не раз сотрясал нашу страну, драму раскола, понимает логику и правду самых разных социальных страт, — это тоже делает его драгоценной фигурой, потому что Проханов всегда был далёк от крохоборства и политического или идеологического сектантства.

Продолжая говорить о его судьбе, обращаясь к его участию в бесчисленном количестве военных конфликтов. Вспоминаешь историю, как его в одной африканской стране местные бойцы перекрасили в чёрный цвет, и он нёсся с ними по раскалённым просторам. Проханов — человек, на которого дважды нападали, были по голове каскетом. Проханов был под ударами пулемётов у Останкино в 1993-м году, и Проханов, уже немолодой человек, отравился в Донбасс.

Это стремление оказаться в центре битвы, в центре конфликта, быть, по его выражению, певцом боевых колесниц, — тоже очень характерно. В этом есть мужская экспрессия и проявление воли. Проханов в каком-то смысле сумел навязать себя, не боясь обструкции, человек предельно демонизированный, человек табуированный во многих средах, которого гасили всеми способами, не показывая долгие годы по телевизору, — он, тем не менее, прорывался и прорастал.

Я застал то время, когда Проханова вообще нигде не было, кроме его газеты. И я, учаю на журфаке, написал работу и читал её на кафедре стилистики русского языка, она была посвящена метафорам в передовицах Проханова. Потому что кроме его разнообразных книг, от самых первых, которым предшествовали вступительные тексты Юрия Трифонова, до самых поздних, включая "Господина Гексогена", который как бы дал новую жизнь Проханову — признанному литератору, есть ещё и передовицы, где в кратком формате талант Проханова нашёл бешеную и неподражаемую реализацию. Именно здесь вся российская общественно-политическая действительность, все её персонажи — всё было сведено к целой галерее невероятных метафор. Все эти деятели сравнивались с какими-то животными, рыбами, насекомыми, и всё это было каждый раз очень метко и точно. Интересно, что это была литература, перераставшая каждый раз в реальность. Литература прямого действия, литература, которая заставляла быстрее биться сердце, у людей сжимались кулаки, когда они читали передовицы Проханова.

Сам его стиль, его язык, очень своеобразный, казался бы, крайне оригинален и должен отталкивать многих, отпугивать. И то, что сегодня слева и справа говорят на языке Проханова не столько даже в идеологическом смысле, но используя его лексику, — это признак особой силы его личности и умения себя навязать, особой экспрессии и экспансии Проханова.

Проханов сегодня растворён во всех сферах. К нему будут снова и снова обращаться. Будут любоваться его головокружительной биографией. Это пример того, что жизнь состоит из преодоления. Это пример удивительно свободного человека. Проханов, который часто посмеивается над плоским пониманием слова "свобода", явил пример свободы необычайной. Это увлекательная, яркая, приключенческая жизнь. При любых обстоятельствах он живёт головокружительно, и остаётся только любоваться Александром Андреевичем, наслаждаться его текстами, его речами. Чувствовать, как в самом тебе отражается феноменология личности Проханова. А все те, кто неравнодушно послушал или почитал Проханова, тоже уже немножко Прохановы.

Я от всего сердца поздравляю дорогого Александра Андреевича с его славным юбилеем!

Альберт МАКАШОВ

Как-то Наполеон на острове, куда был сослан, страдая от безделья, потому что привык сражаться, а там вынужден был лишь предаваться воспоминаниям, заметил, что генералами руководят штатские.

Так вот, как-то мне в Ереван (а тогда в Ереване на площади проходили сотысячные митинги) позвонил генерал армии Варенников, в то время он был главком Сухопутных войск. Он расспрашивал меня, как я справляюсь с обязанностями коменданта Еревана. Я ему рассказал, и он меня спросил: "А обязанности у тебя какие?". Я ему говорю: "Самое смешное, что должность есть, а обязанностей нет".

И сразу после этого я позвонил генерал-полковнику Артемьеву. Его отец в 1941 году был комендантом Москвы, когда Москва была на особом положении. Я попросил прислать мне текст этого особого положения. Генерал-полковник Артемьев по телегайлу прислал мне этот текст. И наутро был арестован комитет "Карабах", который мутил воду во всей Армении.

И вдруг в Ереване появляется Александр Андреевич Проханов. Я до этого с ним лично не был знаком. Проханов был приятно удивлён тем, что какой-то полконтный генерал читает его газету, всё написанное в ней активно обсуждается. Я ему сказал, что зачитался его газетой и арестовал комитет "Карабах". Кстати, после этого ареста буза в Армении прекратилась, и было спокойно до тех

пор, пока Горбачёв не выпустил этих деятелей из Матросской тишины. И опять всё началось.

Мы всю ночь проговорили с Александром Андреевичем о жизни страны. Я подарил на время ему свой узик, свой автомат, дал своего адъютанта-армянина, и Проханов уехал через три перевала в Степанакерт. А я потом переживал три дня, где мой писатель, где мой узик, где мой адъютант и где мой автомат. Это было личное знакомство, первая наша личная встреча.

А потом, поскольку генералами руководят штатские, Александр Андреевич меня нагружал заданиями. Например, есть городок в Челябинской области — Троицк, где жил участник Великой Отечественной войны, который якобы в последние дни войны застрелил отца Горбачёва. И все, кому была дорога страна и ненавистен Горбачёв, кинулись расследовать, был такой факт или нет. Такое вот задание. А как-то Александр Андреевич загрузил меня в поезд, отвёз в Приднестровье, и там я был советником у президента Смирнова до тех пор, пока меня не обменяли на Лебеда. Потому что Москва поощрала, прислав вместо смутяна Макашова Лебеда, с Лебедем дать и газ, и полномочия.

Когда я был блокирован в Доме Верховного Совета, туда прибыл Александр Андреевич. Мы поговорили, посовещались и расстались. И после известных событий я оказался в доме отдыха имени Лефортова.

Вспоминаю очень много. Я благодарен Александру Андреевичу за его жизненную позицию, за то, что он нагружал меня заданиями, которые я выполнял, как мне кажется, добросовестно.

Александр НАГОРНЫЙ

Александру Андреевичу Проханову исполняется 80 лет, но его голос, его энергетика, его талант — всё говорит о том, что это человек молодой, и даже неудобно его поздравлять с такой датой. Между тем, эта дата множится у него на мудрость и на любовь к человеку. И за это его очень многие ценят и очень многие ненавидят. В этом смысле Проханов — это уникальная личность в истории России, и если бы Проханова не было, то и история бы шла по несколько другим рельсам. И мои пожелания сводятся к тому, чтобы эта энергетика, молодость и баланс сохранялись ещё, минимум, столько же лет.

Эдуард ЛИМОНОВ

Я поздравляю тебя, Саша Проханов, с днём рождения. Надеюсь, что ты ещё будешь моим компаньоном, а я твоим компаньоном, что мы будем друг другу компаньонами на этом свете. Я с тобой во многом не согласен, можно сказать, что подчас я с тобой во всём не согласен. Но что уж с тобой делаешь, обратно не родишь, какой есть. Я, в сущности, доволен тем, что жил и живу с тобой в одно время. Уверен, что на том свете мы тоже окажемся в одном отряде с тобой, Саша.

Максим ШЕВЧЕНКО

*Моглаем Бог живёт во мне.
Бескрайней ночью ледяной
Мне в этом мире — как в тюрьме,
Пусть и зову её страной.*

*Зову. И злом от небес
На зов являются снега
И долго падают на лес
Стеною белого стиха.*

*А за стеной грохочет гром —
То пушки клещут имена
И общают, что умрём.
А после будет тишина.*

*А после будет только явь,
Где лёд преобразится в длань,
Простёртую над морем трав
В мальчишескую утра рань.*

*Так между летом и зимой,
Между молчанием и громом
Я чувствую, что невесомым
Я поднимаюсь над тюрьмой.*

*Я поднимаюсь над страной,
Такую странную во тьме,
Яптарной россыпью земной
Страна поднимается мне.*

*Я поднимаюсь над страной,
В которой Солнце и Луна
Ведут войну. И той войной
Моя душа охвачена.*

*Я поднимаюсь над страной
И радуюсь, что нет иной,
Со всей судьбой её дурной,
С её безумной стариной,*

*С её безудержным мечтаньем,
Свирепым будущим в оне,
Её вехом, её скитаньем,
Её бытанием во сие.*

Дорогой Александр Андреевич!
Я вас очень люблю. Спасибо вам за всё!

Александр ДУГИН

Александр Проханов — совершенно уникальный человек. Он представляет собой ту форму открытого патриотизма, ту форму живой и динамичной, органичной русской идентичности, которой нам удивительно не хватает. С одной стороны, он человек крайне консервативный, и его взгляды могут быть образцовыми для любого консерватора. Но с консервативностью у него сочетаются авангардные идеи. Это сочетание консерватизма и вектора модернизации делает Проханова неповторимой фигурой, которая для современной России жизненно необходима. Потому что таких пропорций между консерватизмом и модернизацией, между верностью корням, фундаментальным принципам и, одновременно, открытостью новым вызовам времени нам не хватает. В ком-то преобладает консерватизм, который делает их неповоротливыми, неуклюжими, закрытыми для понимания какой бы то ни было реальности, а потому смешными, неэффективными, даже карикатурными. С другой стороны, сторонники либерализации, сторонники прогресса и модернизации, как правило, не знают меры и скатываются в тупое и также карикатурное и омерзительное западничество.

А Проханов сочетает обе эти стороны — и верность национальным корням, национальному духу, традиции, и модернизацию в необходимом пропорции. Потому он уникален. Но одновременно он чрезвычайно одинок. Несмотря на то, что его знает вся страна, у него множество друзей и сторонников, он одинок, потому что его позиция — это как бы огонь, поднесённый к дровам. И Проханов и есть тот огонь, что поднесён к дровам, которые никак не могут загореться. И если бы чуть-чуть больше жизненной энергии в нашем народе, то он бы от племени Проханова, от его инициатив, от его идей, от его взглядов, часто выраженных на